

Александр Левитов

Говорящая обезьяна

Александр Иванович Левитов

Говорящая обезьяна

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657495

Сочинения: Худож. лит.; М.; 1977

Аннотация

«В одном из глухих переулков Петербургской стороны, несмотря на позднюю ночь, в окне небольшого двухэтажного флигеля светился огонь. С улицы можно было видеть, что в одной комнате второго этажа за письменным столом сидит и пишет что-то высокий брюнет с длинными кудрявыми волосами, с строгими усами и с тою характерной эспаньолкой, которая все еще продолжает служить отличительным признаком художников при всем том, что ныне завладела ею большая часть коптителей петербургских небес...»

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

15

**Александр
Иванович Левитов**
Говорящая обезьяна
Эпизод из романа
«Сны и факты»¹

*Я погибал,
Мой злобный гений
Торжествовал.²*

Полежаев

* * *

В одном из глухих переулков Петербургской стороны, несмотря на позднюю ночь, в окне небольшого двухэтажного флигеля светился огонь. С улицы можно было видеть, что в одной комнате второго этажа за письменным столом сидит и пишет что-то высокий брюнет с длинными кудрявыми волосами, с строгими усами и с тою характерной эспаньолкой, которая все еще продолжает служить отличительным признаком художников при всем том, что ныне завладела ею большая часть коптителей петербургских небес. Поми-

мо, впрочем, эспаньолки, вся обстановка комнаты говорила, что ее обитатель – художник: около раскрытого окна виднелся угол мольберта, накрытого чем-то белым; у двери, в углу, стоял большой скелет; по стенам было прикреплено множество разнообразных гипсов и картин; даже кисея, повешенная на окнах, спускалась вниз не как обыкновенно у всех людей, перетянутая в талии классическим бантом, а какими-то живыми, мягко волновавшимися складками, напоминая тихое падение снега густыми и белыми хлопьями или полет белых голубей, когда они из далекого поднебесья спешат как можно скорее *колом* упасть на родимую кровлю.

По временам молодой человек вставал из-за стола и принимался ходить по комнате большими шагами, и хотя дым в его студии стоял, как это называется, коромыслом, но он, видимо, не стеснялся им, сжигая папироски самым немилосердным образом. Когда он подходил к окну, можно было видеть, что поздняя работа нисколько не утомляла его: лицо его было свежо и сосредоточенно, как у человека соображающего. И вообще описываемый случай, как слишком обыкновенный в столице, где так много разного рода бессонных тружеников, недолго бы остался в памяти наблюдателя ночных сцен, если бы его внимание не обращали на себя глаза молодого человека, которыми он то с испугом, то как бы с злостью обстреливал спящую улицу с ее гнилыми заборами, вековыми деревьями, краснокирпичными фабриками и т. д.

В этих глазах, накрытых густыми черными бровями, свер-

кала какая-то странная угрюмость, с лихорадочным и бесцельным проворством перелетавшая с одного предмета на другой. По временам молодой человек порывисто, как бы подтолкнутый кем, бросал свое письмо, поднимал голову и начинал либо пристально вслушиваться в что-то, либо внимательно вглядываться в какую-нибудь, конечно, давно уже знакомую ему вещь, находившуюся в его квартире. Он с разных точек подходил к поразившему его предмету, смотрел на него из-под ладони, как бы пораженный исходившим от него светом, смотрел в согнутый наподобие зрительной трубки кулак, подходил к нему вплоть, ощупывал руками и в конце концов принимался качивать головою и улыбаться чему-то. В нем, очевидно, были возбуждены беспокойные, тревожащие мысли, потому что после осмотров он часто подходил к раскрытому окну, с наслаждением втягивал в себя свежий ночной воздух и иногда басовито и с улыбкой приговаривал:

– Дело – дрянь! Дрянь – дело!

По грустной иронии, которая слышалась в голосе молодого человека, можно было заключить, что ему более чем невесело. Видимо было, что на душе у него лежит одна из тех убивающих человеческих скорбей, от которых обыкновенно человечество мятется, как береста в печке, а люди, страстно заинтересованные явлениями жизни, лишь только пройдет по ним огонь этих скорбей, сейчас же превращаются в тех апатических молодцов, которые по целым часам стоят на

мостах и уныло поплевывают в воду, не без основания полагая, что им можно теперь плевать в колодезь, потому что он не для них...

– Дрянь, дрянь дело! – повторял молодой человек в минуты редкого самообладания и снова погружался в свои бесцельные созерцания, перенося угрюмый блуждающий взгляд с засеянных грачиными гнездами деревьев на многочисленные тусклые окна безлюдных фабрик, провожая задумчиво плетущегося по улице извозчика и с большим участием прислушиваясь к дребезжанию его убогого экипажа.

Вот в крепости меланхолически прозвучали часы³, на ближнем дереве завозился сонный грач, глухо каркая, словно человек в бреду; по забору в лад глухой ночи, тихо мяукая, неслышно проскользнула белая кошка; из близлежащих садов разливался по улице наркотический запах сирени. Эти обыкновенные явления, приобретающие, впрочем, в ночное время характер какой-то особенной, торжественной величавости, заставили вздрогнуть описываемого человека. Словно бы какое-нибудь полночное чудо, разукрашенное всеми фантастическими ужасами, появилось перед ним в это время и заставило его вскрикнуть.

– Боже мой! Да что же это такое? Неужели до такой страшной степени могут обманываться людские чувства? – спрашивал он с нескрываемым ужасом. – Ведь не болен же я, не пьян. Я не дам себя пересилить; это – вздор! Я понимаю этот

---

³ ...в крепости... прозвучали часы... – куранты Петропавловской крепости.

вздор, рассуждаю о нем; следовательно, сойти с ума я не мог еще. Пойду дописывать письмо: это поможет мне.

Говоря это, молодой человек сел за стол, и перо его быстро забегало по тетрадке, несколько листов которой уже было исписано.

Он писал странные вещи.

«Дорогой друг! (так начиналась тетрадь). По приезде моем в Петербург со мной случилось нечто необычайное, и ты напрасно радовался тому благополучию, которое, по твоим соображениям, меня ожидало здесь! Умные и энергичные провинциальные ребята вроде тебя вообще давно уже привыкли считать Петербург какою-то обетованною страшною, кипящею млеком и медом, и отсюда происходит бездна смертельных ошибок. Я в этом имел тысячи случаев убедиться еще до знакомства с тобою, о чем тысячи раз и говорил тебе, в видах предохранения твоего молодого честного лица от тех бесчисленных плевков, которыми столичные люди оплевывают надежды и стремления свежей, не испорченной еще грубой действительностью молодости.

Со стороны столичного общества очень естественно поступать таким образом с молодыми ребятами. Для него необходимо, хотя бы, положим, в видах объединения и единообразного оформления своих членов, чтобы светлая юность поскорее померкла и сделалась такою же бледною и желчною, как большинство этих столичных представителей русского богатства и, наконец, русского так называемого досу-

жества вообще. Надобно тебе заметить, что в Петербурге (впрочем, это свойственно не одному только Петербургу, а всем центральным городам целого мира) нет ни одного самого несчастного шаромыги, который бы не считал себя звездою первой величины на поприще перечисленных сейчас проявлений цивилизованной жизни. Национальные, внестоличные массы думают об этом предмете согласно с центральным оборвышем – и от этого нелепого согласия происходит то, что если где-нибудь на провинциальном горизонте загорится действительная звезда и осветит непроглядную тьму своей родины, то хорошо еще этой звезде, если потехи центральных идолов над ее светом ограничатся только снисходительным подергиваньем сухих и острых плеч и сквозь зубы произнесенной остротой. В большинстве случаев бывает несравненно хуже: целым рядом демонских искушений столичный город сманивает звезду с неба, на котором она светила, и устанавливает ее на своих проспектах, вместе с различными фальшфейерами⁴ и мертвенно блестящими гнилушками. Бедная! Как она страдает тогда, как беспомощно то на ту, то на другую сторону склоняется ее бледное, как бы испуганное пламя от цинготного дыхания праздных пустоголовых шалыганов, плешивых Мефистофелей, с широкими, тщательно прилизанными рожам, и вообще от всей этой деликатно-злой и стыдливо-нахальной столичной черни, которую, наперекор всякой логике и фактам, остальной люд еди-

---

⁴ *Фальшфейер* – фейерверк.

нодушно почему-то условился называть сливками человечества, науки и искусства. А между тем за передними рядами, в которых твердо установились или буйная наглость, или улыбающееся зверство, царит действительно непроглядная тьма. Там, за первыми рядами – страшное смятение! В этой тьме, пугающей своей мертвенной синевою, прорезанной по всем направлениям свинцово-бледными нервами, примечается бесчисленное множество включенных голов, устремляющихся к свету новой звезды, виднеются белые мускулистые руки матерей, которые поднимают над морем голов своих кудрявых веселых младенцев. Матерям ничего не видно, так что сами они примечаются в крайне смутных очертаниях; но они уже счастливы тем, что их малютки, их ангелы звонко плещут кому-то своими так художественно уродливыми ручонками и радостно смеются чему-то...»

С дороги в освещенное окно видно было, как молодой человек приподнял к свету свою тетрадь и пристально ее перечитывал. Потом он встал, походил по комнате, хлебнул как будто лекарства и, видимо, смеясь над собою, заговорил:

– Что это я ему тут прописываю? Хотел, что называется, констатировать факты, а кончил китом-рыбой. Стыдно-с! А впрочем, чего же стыдиться? Около фактов всегда плавают миллионы китов или, выражаясь газетным языком, уток... Горькую истину всегда украшают тысячи светозарных легенд... Пилюля всегда находится в красивой коробке... И прекрасно-с! Выходит – дело. Выпью-ка я за подслащение

пилюль, хотя и без «ура», молчаливо...

Тут наблюдатель ночных сцен мог окончательно видеть, что пишуший уже не хлебнул лекарства, а просто-напросто выпил водки из большого графина, ярко блеснувшего на темную улицу; после чего по ней, разукрашенной всеми обаяниями летней ночи, пронесся хриплый кашель, говоривший как будто:

«Недолго я буду возмущать твою тишину, летняя ночь!...»

Громкий и басовитый был этот кашель, могший принадлежать только очень крепкому организму, но вместе с тем в нем слышались крайнее разрушение, досада на что-то, злость на кого-то. Так именно кашляют чахоточные люди, железное здоровье которых подкашивает эта злая болезнь.

Так и было в действительности: молодой человек страдал чахоткой. Едва раздался кашель, как дверь его комнаты тихо и чуть-чуть только приотворилась, и из нее выглянуло доброе старушечье лицо.

– Што это ты, Колюшка, поздно так? – зашептала старуха. – Сестра вон там за тебя беспокоится... кашляешь...

– Прости, мама! Не нарочно как-то... После водки... Спать что-то захотелось, вот я и выпил.

– Брось ты ее хоть ночью-то! Дай-ка я графин-то возьму.

– А я вам, маменька, в свою очередь, скажу, – ласково пошутил молодой человек, – бросьте вы ее, пусть она у меня стоит. Мне веселее с нею. Да опять же ныне я чувствую себя очень хорошо: совершенно свеж и спокоен. Вот приятелю

письмо дописываю.

– Ну, господь с тобой, ежели так, – закончила старуха, за-
творяя дверь с тою же осторожностью, с какою отворила ее.

Кудрявая голова наклонилась к столу, и перо снова забе-
гало по бумаге.

«Признаюсь тебе, что во время моего двухлетнего пребы-
вания в ваших лесистых трущобах я начал было скучать по
Петербургу, не потому что мне было у вас худо, а просто по-
тому, что мне думалось: там лучше теперь. И наяву и во сне
ежесекундно из этой двухтысячной дали виделся мне чей-
то дружественный, зовущий образ, и осязательно доносилось
до меня его жаркое дыхание, которое, как будто боясь быть
подслушанным враждебным ухом, тихо лепетало мне: „При-
ходи! иди!“

В шуме елей, сосен и лиственниц, в плеске ваших краса-
виц – северных рек, в жалобном крике не насмерть подстре-
ленного зайца или рябчика мне все слышался один и тот же
шепот: „Иди! иди!“

А ночи – эти длинные зимние ночи, с ревущими метеля-
ми, заваливавшими наше жильё вровень с крышей, с завыва-
ниями голодных волков, – о, как тяжело было мне прово-
дить их, не смыкая глаз ни на одну секунду! Бывало, смот-
ришь в окно на ваш яркий, насмешливый месяц – до одуре-
ния дойдешь! По необозримым снежным равнинам, рассти-
лавшимся за нашей избушкой, забегают, бывало, озолочен-
ные месячными лучами прихотливые, сквозные фигуры, –

какие фантастические пляски поднимут они! К самому небу вздымят они снежную пыль, насквозь прохваченную золотом месяца! Какое это было странное сочетание цветов – золотого и серебряного! Я никогда не мог подкараулить их в отдельности один от другого, напротив: в этом-то и состояла их невыразимая прелесть, что они как бы вливались один в другой, постоянно сменяя друг друга. Больше нигде, кроме как у вас на севере, я не встречал такой прелести!

Глухой звук соборного колокола, скованного тридцатиградусным морозом, как нельзя более подходил к этим волшебным видениям. Везде была тишина и покой: целый город спал. Разметавшись на полу нашей душной избушки, спали также и маленькие ребятишки-семинаристы, жившие с нами; кто болезненно вскрикивал, кто, напротив, торжественно распевал „Христос рождается“, готовясь к скорому отъезду на Рождество в какую-нибудь глухую деревушку, властительно охваченную мрачными объятиями непроходимого леса. Наши закопченные часишки тукали и трещали в это время вовсе не с той молодцеватостью, которая, бывало, с такою развязностью отзванивала нам без отдыху по сту часов, вынуждая нас, таким образом, в деле определения времени руководиться уже не их указаниями, а различными небесными знаками, нагаром свечей, пением петухов, ревом скотины, требующей хозяйку выйти к ней на двор и осведомиться, каков морозец на нем погуливает. Нет! По таким временам даже и часишки стучали как будто тише и сдержаннее, не

нарушая своей трескотней важных очертаний ночи, складывавшихся в моих глазах в одно живое существо, никогда не отходившее от меня с своим ласковым, магнетически влекущим призывом: „Иди! приходи!“

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.